

побега из лагеря»¹⁷. В Литве, уже после смерти писателя, вышел и первый двухтомник Воробьёва – официально Россия всё ещё отказывалась его признать.

Но родился он в Курской губернии, в самом центре России.

Русский по крови и языку, всем духом, всеми помыслами и писательскими замыслами – как он мечтал о России! «Хочу в Русь!»¹⁸ – был крик его души. Но это где-то «семь городов соревнуются за мудрое имя Гомера». В его Отечестве не нужен был ещё один пророк – Сахарова и Солженицына хватало. И без того то Пастернак роман напечатает в Дании, то Кузнецов сбежит. Шесть российских городов, каждый в отдельности, приняли одно и то же решение – Воробьёва не принимать. Это Курск (родимый, по праву открывает список), Воронеж, Псков, Новгород, Рязань, Москва. Куда бедному крестьянину податься?

Я извиняюсь перед городами. Не они, не их жители решали судьбу Воробьёва. Это вполне конкретные лица, секретари обкомов, наделённые правами судьбы вершить и имевшие указание, говорят, самого Суслова, не позволяли печатать книги Воробьёва, не позволяли ему поселиться на «вверенных им территориях».

К 1970-м годам в Курске о Воробьёве, выдающемся писателе, родившемся на Курской земле, знали писатели, знала интеллигенция. Константин Дмитриевич был в дружбе с писателем-курянином М. М. Колосовым, работавшим в Москве, встречался и переписывался с Е. И. Носовым. Делались попытки воздействовать на партийное руководство в целях переменить отношение к Воробьёву. Но имя его ещё долгое время было одиозным. Идеологией в Курском обкоме ведал тогда второй секретарь Шаров. Писатель П. Г. Сальников, один из тех, кто старался помочь Воробьёву вернуться на родину, горько шутил: «Стоило в кабинете Шарова произнести имя Воробьёва – взрывалась шаровая молния». Но в 1980-х всё начало меняться.

В Медвенском районе решили открыть музей писателя в Нижнем Реутце. Кабинет второго секретаря райкома Галины Павловны Огороковой, которая поддержала инициативу создания музея (по объёму же работы и тем личным усилиям, которые она приложила, Огорокова фактически стала создателем музея), превратился в, своего рода, штаб. Курские писатели, работники областного краеведческого музея и облбиблиотеки чуть ли не ежедневно собирались здесь, совещались, искали оптимальные решения. Создание музея понималось как акт свершившегося признания писателя, как возвращение родине его имени, ведь сам он права на возвращение при жизни не получил, и, конечно, в этом был момент покаяния.

Дело было непростое. Дом Воробьёвых в Нижнем Реутце уцелел, но в нём тогда жили. Денег, чтобы дом выкупить, не было. Поэтому музей решили открыть в сельском Доме культуры, в помещении библиотеки. Торопились, конечно, поскольку для памяти о писателе хотя бы что-то малое на первых

¹⁷ Станюта, А. Пространство проклятого квадрата / Александр Станюта // Дружба народов. – 1990. – № 9. – С. 206-211.

¹⁸ Воробьёв, К. [Письмо к В. Астафьеву от 07.11.64] // Собрание соч.: в 5 т. – Курск, 2008, – Т. 3. – С. 367.